

«Надо втащить его сюда снова и проверить... — решил Двуликий. — Выяснить наконец, в чём дело: в выпитой крови или в какой-то дешёвой, скрытой технике, которую этот мальчишка утаил»

Приняв решение, Сукуна наклонился и перехватил багровую цепь. Сжав металлические звенья, он резко, всем телом, рванул цепь на себя — точно так же, как недавно с ним самим поступил Харе.

В запертой камере Харе тоже предавался невесёлым размышлениям. Внезапно перед глазами парня всё поплыло и потемнело. Тело мелко задрожало от чужой непреодолимой тяги, словно невидимый аркан утягивал его в бездну. В следующее мгновение сознание угасло, и он мешком рухнул на холодный пол.

Очнувшись, Харе обнаружил себя в полумраке бескрайнего, гулкого зала. Под ним расстилалась ледяная гладь огромного озера. Вода отливала зловещим багрово-бурым цветом — зрелище, не сулящее ничего хорошего. Интуиция вопила, что он угодил в паршивое место.

Он сел, и по воде прокатился тихий всплеск. Эхо заметалось под невидимыми сводами, замирая в пустоте, — жуткая, давящая тишина напоминала завязку дешёвого хоррора.

Плечи Харе невольно передёрнуло от подступившего к горлу холода. Но дело было не в мёртвом безмолвии. По загривку скользнул чужой, тяжёлый и осязаемый взгляд.

Давление этой ауры, леденящей и хищной, душило. Казалось, за спиной притаился выходец из преисподней, готовый перегрызть ему глотку при малейшем движении. И Харе, повинуясь инстинкту, резко обернулся — решив, что если уж помирать, то сначала самому вцепиться этой твари в кадык.

Перед ним громоздилась циклопическая гора черепов и костей. Проследив взглядом снизу вверх, он наткнулся на рельефные, мускулистые ноги. На лодыжках чернели двойные кольца татуировок-курсов, а к одной из щиколоток тянулась та самая алая цепь.

Его взгляд скользнул выше. Из-за ракурса Харе невольно заметил, как тёмные узоры обвивают крепкие бёдра, исчезая в складках одежды, где под натянутой тканью отчётливо проступали весьма внушительные очертания.

Харе онемел.

«Да это же, чёрт возьми, Сукуна!»

Лицо парня мгновенно потемнело от злости.

— Какого хера ты опять здесь? — процедил он сквозь зубы. — Я вымотался. Видеть тебя не

желаю! И драться с тобой у меня сейчас сил нет. Будь человеком, верни меня обратно!

Харе не скрывал своей неприязни. Выпалив это, он всё же внутренне подобрался, ожидая, что двуликий монстр в любой миг сорвётся и разукрасит ему физиономию. Король проклятий славился своим вздорным и непредсказуемым нравом.

Однако, вопреки ожиданиям, Сукуна даже не повёл бровью. Он лишь лениво опустил свои жуткие багровые глаза, разглядывая распластавшегося внизу наглеца, и протянул низким, вкрадчивым голосом:

— Значит, устал?

— Ну да, устал, и что с того? — буркнул Харе. Опасаясь, что проклятие примет это за слабость или трусость, он поспешно добавил: — И учти, я тебя ни капли не боюсь! Сам же видишь, что я сейчас без сил. Да, мы оба проклятия, но мы разные. Я куда ближе к людям, а у людей после сильного нервного потрясения всегда наступает дикое истощение...

Парень продолжал что-то доказывать, его припухшие, но уже слегка порозовевшие губы быстро двигались. Взгляд Сукуны заскользил по ним, и в памяти невольно вспыхнуло ощущение мягкости под его собственными пальцами. Ему было плевать на оправдания мальчишки — Король проклятий никогда никого не слушал. В этом мире существовало лишь его слово, обязательное к исполнению.

Кадык Сукуны дёрнулся. С той же издевательской неторопливостью он переспросил:

— Совсем без сил?

Харе недоумённо захлопал ресницами. Ему не показалось? Взгляд Короля проклятий после этих слов сделался откровенно хищным.

«Пугает? Или прощупывает почву?»

С другой стороны, спросил он как-то буднично. Может, проявил каплю сочувствия?

Симпатичный парень заколебался, но скрывать очевидное не стал и нехотя кивнул:

— Да. Ноги так затекли, что едва держат. Если хочешь помахатьсь — давай в другой раз. Я спать хочу...

— Ха... — На brutальном лице Сукуны наконец проступили эмоции. Уголки его губ поползли вверх, обнажая клыки, а в хриплом смешке засквозило торжество. — Стало быть, если я решу взять тебя тёпленьким, ты даже убежать не сможешь?

Он поднялся во весь рост и с притворным вздохом покачал головой:

— Жаль, конечно. Охота на убегающую дичь имеет свою прелесть, но сегодня у меня слишком мало терпения. Перейдём сразу к делу.

Харе ошарашенно перевёл взгляд с лица Сукуны на весьма недвусмысленно выпирающую под его одеждой деталь и обомлел.

Стало по-настоящему жутко.

И почему-то вспыхнули мочки ушей.

Одеревенев, Харе отвернулся, выждал ровно три секунды и внезапно рванул с места что было мочи, на бегу осыпая преследователя проклятиями:

— Псих! Большой ублюдок! Извращенец чёртов!

Парень в мгновение ока скрылся из виду, растворившись во мраке. Сукуна даже не сдвинулся с места, лишь снисходительно усмехнулся вслед:

— Смотри-ка, сколько прыти. А говорил — сил нет. Раз уж ты мнишь себя человеком, должен знать: врать — нехорошо...

Харе мчался по багровой воде, но голос Сукуны настигал его повсюду, звуча прямо над ухом. Внезапно пространство вокруг исказилось. Путь впереди оборвался — спокойная гладь озера резко перешла в бушующий водопад, низвергающийся в бездну.

Мальчишка попытался резко затормозить, но по инерции его занесло вперёд. Он уже терял равновесие, готовый сорваться вниз, как вдруг чья-то мощная ладонь перехватила его за пояс. Хватка была железной, но на удивление аккуратной — пальцы даже не задели рану на боку.

Сукуна вырос за его спиной словно из ниоткуда. Харе обернулся и наткнулся на его издевательский прищур — так матёрый хищник забавляется с глупым кроликом, забредшим в его логово.

Тут-то до парня окончательно дошло. Это Врождённая территория Сукуны, его личный мир, созданный волей Короля проклятий. Бежать отсюда бессмысленно.

«Да и хрен с ним, с бегством! Думает, я его испугался?»

Харе дерзко посмотрел прямо в багровые глаза чудовища и оскалился, обнажая острые белые

клыки:

— Разуй глаза, ублюдок, я тебе не кролик!

С этими словами он резко вывернулся, уходя от захвата, и ласточкой сиганул с обрыва прямо в ревущую пучину водопада.

Сукуна последовал за ним тенью. Мгновение — и он уже выживал за шкуру захлебнувшегося, не умеющего плавать мальчишку, бесцеремонно забрасывая его на парящий неподалёку каменный валун.

Чтобы удержать строптивца на месте, Дзуликий навис над ним всей своей массивной фигурой, намереваясь наконец разгадать мучившую его шараду.

Сначала следовало разобраться с техникой. Затягивая мальчишку в свою Врождённую территорию, Сукуна не ощутил и следа проклятой энергии, характерной для активации техник. Значит, эту версию можно отметить. Оставалось второе...

Сукуна склонился ниже, разглядывая лицо пленника. Тот, зажмурившись, отчаянно кашлял, выплёвывая воду. Бледная кожа, тонкие черты лица... Свободный ворот серого кимоно съехал в сторону, обнажая изящную линию ключиц, на которой так и подмывало оставить след от зубов.

Надо признать, мальчишка был чертовски хорош собой. А уж этот его упрямый, бунтарский взгляд, когда он открывал глаза, и вовсе заводил, разжигая в Сукуне непреодолимое желание согнуть его в бараний рог, растоптать эту гордость.

Поначалу он подумывал использовать его как сосуд для перерождения. Но теперь какая-то странная, неодолимая сила заставляла его смотреть на Харе совсем иначе — как на редкую игрушку, которую хочется вертеть в руках, ломать и подчинять своей воле.

— Будет тебе кашлять, упрямец, — Сукуна подпёр подбородок ладонью и небрежно похлопал парня по груди. — А теперь слушай сюда: сделай со мной то же самое, что провернул, когда впитал мою силу обратно. Живо.

— Кха-кха!

Тяжёлая ладонь опустилась без всякой жалости. В груди Харе отозвалось тупой болью, на коже мгновенно проступили багровые отпечатки пальцев, и он зашелся в новом приступе кашля.

Кое-как переведя дыхание, Харе собрался было обложить наглеца трёхэтажным матом, но неосторожное движение отозвалось резкой болью в раненом боку. Парень со свистом втянул сквозь зубы воздух и бессильно откинулся на каменную плиту.

— Придурок... — прошипел он в изнеможении. — Ничего я не делал.

Поняв, что бороться бесполезно, он просто обмяк, закрыл глаза и решил пустить всё на самотёк. Пусть делает что хочет, а он спать ложится.

«Ничего не делал?»

Сукуна скользнул взглядом по белому краю бинта, чуть выступающему из-под воротника. Задумался.

Мальчишка ведь и впрямь ничего не предпринимал. Это он сам укусил его тогда... Выходит, остался последний вариант.

Его кровь.

Чтобы проверить догадку, Король проклятий склонился над распластанным телом.

Харе почувствовал, как чьи-то бесцеремонные пальцы срывают повязку с раны, а следом по обнажённой коже прошёлся горячий, влажный язык, оставляя липкий след.

Он в ужасе распахнул глаза. Сукуна прильнул к его поясу. Недолго думая, проклятие зубами сорвало едва затянувшийся струп, впиваясь губами прямо в открывшуюся плоть, и принялось жадно, с шумом высасывать и сглатывать кровь.

С каждым глотком дыхание Двуликого становилось всё тяжелее, он зарывался лицом глубже, сминая податливую плоть. Острый кончик его носа больно вдавливался в бок Харе, а алые капли, которые он не успевал сглатывать, мазками стекали по его подбородку — картина была до безумия порочной.

— А-ах... Сукуна, ублюдок, твою мать!.. — От дикой смеси боли и обжигающей щекотки внизу живота Харе затрясло. Ничего подобного в его жизни ещё не случалось. Теряя остатки самообладания, он разразился яростной бранью.

Но пока парень исходил на крик от стыда и боли, Король проклятий упивался моментом. Глотки чужой крови на удивление быстро гасили бушевавший в его груди пожар, уступая место чистейшему блаженству.

— Да ты просто конченный, тварь... х-м-м-пф!.. — Грязный поток ругательств иссяк, когда широкая ладонь грубо зажала ему рот.

Скованные кандалами руки были бесполезны, поэтому Харе попытался двинуть насильнику ногой в челюсть. Увы, безуспешно.

Проклятие превосходило его и в росте, и в количестве конечностей. Стоило парню замахнуться, как Сукуна шутя перехватил его лодыжку и бесцеремонно закинул его ногу себе на плечо.

«Чёрт! Сделал только хуже!»

С зажатым ртом Харе быстро начал задыхаться. Безжалостные укусы и скользящие по телу прикосновения сводили с ума, превращая мысли в тягучую кашу, а задранная нога окончательно онемела. В конце концов он сдался и бессильно уронил вес конечности на плечо терзавшего его монстра.

— М-м-пф!

— Ты что, пёс шелудивый? Чего вцепился?! — промычал он сквозь чужие пальцы.

Сукуна соизволил приподнять голову и неторопливо слизал кровь со своих губ:

— А тебе ведь нравится, разве нет?

— М-м-м-пф!

— Врёшь, скотина! Убью! — мычал парень.

Король проклятий привычно пропустил его протесты мимо ушей и задумчиво протянул:

— Что ж, ответ я получил. И теперь у меня на тебя совсем другие планы...

Что он говорил дальше, Харе уже не уловил. Голос Сукуны начал двоиться, а багровый пейзаж вокруг задрожал и поплыл, как растопленный воск.

На секунду сознание парня провалилось в спасительную темноту, а когда он снова открыл глаза, то обнаружил себя в той же тесной, увешанной печатями камере Технической школы магии.

Он лежал на полу. Одежда была абсолютно сухой, но на поясе затвердел пропитавшийся кровью бинт — засохшая корка неприятно стягивала кожу при малейшем движении.

В животе призывно и пусто урчало от дикого голода.

«Сон? Или взаправду? Сколько я провалялся в отключке?»

Харе ошеломлённо уставился в потолок. В этот момент за дверью слышались чёткие шаги. Замок щёлкнул, тяжёлая створка отворилась, и на пороге показался знакомый вспомогательный куратор в сопровождении хмурого мага.

— Харе, — негромко произнёс куратор, избегая смотреть парню в глаза. — Из Главного управления магии пришёл вердикт по твоему делу. Тебя...

<http://bllate.org/book/19043/1922436>